

UNITED WISDOM

Бердяев: свобода, творчество и объективация

Традиции и картины мира

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-33-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Бердяев: свобода, творчество и объективация

Эпиграф

> *«Свобода – положительная творческая мощь, а не отрицательный произвол».*

Николай Бердяев, «Смысл творчества», глава VI, абзац о безосновности свободы. Русский оригинал; короткая цитата.

О чём эта статья

Человека можно описать через должность, возраст, привычки и прошлые поступки. Описание бывает точным и полезным, но в какой момент оно превращается в клетку? Николай Бердяев связывает эту проблему с объективацией: живое существование оказывается подчинено тому, что о нём уже известно и установлено. Его философия свободы предлагает смотреть на человека как на источник ответа, который нельзя полностью вывести из готовой схемы. При этом свобода у Бердяева не означает разрешения делать что угодно. Она связана с творчеством и внутренним содержанием действия. Статья разберёт этот узел на примерах работы, обещаний, отношений и культурного творчества. Мы сохраним религиозный характер мысли Бердяева и отделим его метафизику от современных наблюдений. Практический вопрос будет конкретным: как пользоваться описаниями и правилами, не отдавая им право окончательно определить человека?

I. Когда описание становится приговором

Описание помогает ориентироваться, пока остаётся открытым к новому свидетельству. Условный руководитель знает, что сотрудник дважды сорвал срок. Это основание изменить план, проверить нагрузку или договориться о промежуточных результатах. Но фраза «он человек, который всегда подводит» добавляет нечто сверх двух эпизодов. Она присваивает будущему заранее известное содержание и превращает участника разговора в носителя установленного свойства.

Бердяев в «Я и мире объектов», размышлении II специально различает объективацию и простое обнаружение или воплощение. Поэтому его понятие нельзя свести к любому называнию предмета. Для нашей темы важно, что человек оказывается отчуждён от живого существования, когда объектное описание начинает претендовать на

исчерпывающую власть над ним. Это философская постановка вопроса, а не термин экспериментальной психологии.

Различие легко увидеть по возможности ответа. В первом случае сотруднику сообщают факты и спрашивают, что произошло. Его объяснение могут не принять, но оно способно изменить картину. Во втором случае любое объяснение подтверждает готовую характеристику: возражение называют хитростью, молчание — признанием, обещание — очередным обманом. Система стала закрытой не потому, что описание неблагоприятно, а потому, что ничто не может его уточнить.

Такая закрытость бывает направлена и на себя. Человек говорит: «Я всегда бросаю начатое» — и не различает усталость, неподходящую задачу, недостаток навыка и действительно повторяющийся способ действовать. Общая фраза экономит усилие анализа, но вместе с ним устраняет доступные различия. Он больше не изучает свой поступок, а воспроизводит роль, которая словно уже содержит объяснение.

Проблема не решается запретом отрицательных оценок. Иногда поступок был недопустим, а обещание действительно нарушено. Свобода нового ответа не отменяет прошлого. Она означает, что прошлое остаётся свидетельством, а не становится всей онтологией человека. Установленный факт можно назвать строго и затем оставить открытым вопрос о том, что человек сделает с этим фактом сейчас. В этом зазоре начинается ответственность, а не уход от неё.

II. Свобода, которая не выводится из инструкции

Свобода особенно заметна там, где правила не определяют единственного содержательного ответа. Учитель может соблюдать программу и всё же выбирать, как объяснить трудную мысль конкретному классу. Автор может знать жанр и находить форму, которой раньше не было. Человек может выполнить обещание привычным способом или предложить более честный вариант после изменения обстоятельств. Эти случаи ещё не доказывают метафизическую свободу, но показывают вопрос, который она ставит.

В главе VI «Смысла творчества» Бердяев мыслит свободу как источник творчества, который не сводится к уже данному природному порядку. Это его религиозно-философский довод. Его язык о творческой силе не следует читать как утверждение о нарушении физических законов, прибавлении измеримой энергии или доказанном механизме мозга. Иначе философское различение превращается в неподтверждённую научную сенсацию.

Практический вопрос скромнее: что нового привносит субъект в ситуацию? Новизна не обязательно велика. Иногда она состоит в отказе от готовой унизительной реплики.

Человек знает старый сценарий и способен произнести другую фразу: назвать конкретное несогласие, попросить время или признать ошибку без самоуничтожения. Сам результат может быть трудным, но действие больше не является простым продолжением привычной роли.

Это не означает, что условия не влияют на выбор. Деньги, здоровье, доступные сведения и власть других людей определяют реальное пространство действия. Разговор о свободе становится жестоким, если превращает каждое ограничение в личную слабость. Чтобы выбор был содержательным, нужно увидеть, какие варианты действительно доступны, какой ценой и кому. Формальное «вы всегда можете иначе» иногда лишь скрывает отсутствие доступного иначе.

Свобода как вопрос требует двух проверок одновременно. Мы спрашиваем, что в ситуации уже задано и чего человек изменить не может. Затем спрашиваем, где остаётся собственный ответ. Если пропустить первую проверку, получится морализаторство. Если пропустить вторую, человек исчезнет в перечне обстоятельств. Творчество начинается не с отрицания условий, а с попытки найти действие, которое условия не заменяют полностью своим готовым объяснением.

III. Произвол тоже умеет говорить о свободе

Слова «я свободен» недостаточно, чтобы действие стало свободным в содержательном смысле. Условный человек срывает договорённость без предупреждения и объясняет это нежеланием жить по чужим правилам. Его отказ может быть необходим, если договорённость была принудительной. Но если он добровольно обещал, а издержки неожиданно передал другим, ссылка на свободу ещё не отвечает на вопрос об ответственности.

Бердяев различает творческую свободу и пустой произвол. Для нашего чтения это означает важную проверку: есть ли у действия собственное положительное содержание или оно существует только как отрицание требования? Не всякое отрицание плохо. Отказ от унижения уже имеет смысл. Однако привычка демонстрировать неподчинение может постепенно сделать человека зависимым от того, чему он сопротивляется.

Представим условного музыканта, который отвергает каждое предложение редактора. Он хочет сохранить самостоятельность, но теперь не умеет согласиться даже с замечанием о неверной ноте. Его ответ предсказуем: любое чужое участие вызывает отказ. Снаружи это выглядит как решимость. Внутри выбора осталось мало, потому что поведение определяется противоположной стороной. Зависимость сменила знак, но не исчезла.

Положительное содержание можно искать через простой вопрос: ради чего я выбираю именно это? Если ответ существует только в форме «чтобы они увидели, что мной нельзя управлять», стоит посмотреть, кто всё ещё управляет направлением действия. Иногда требуется восстановить право отказа, прежде чем появится иной ответ. Но окончательной целью может стать собственное дело, а не бесконечная демонстрация независимости.

У ответственности здесь нет роли внешнего поводка. Она является частью формы свободы: человек признаёт, что его действие входит в жизнь других. Сообщить об изменившемся решении, назвать предел возможностей и принять последствия — тоже способы действовать самостоятельно. Они не уничтожают авторство выбора. Напротив, позволяют отличить его от импульса, который человек назвал свободой лишь потому, что в моменте не захотел его исследовать.

IV. Творчество больше, чем выпуск нового продукта

Творчество теряет смысл, если его измерять только числом произведённых вещей. Можно каждый день публиковать новый материал и повторять одну форму. Можно ничего не выпустить, но изменить способ увидеть задачу так, что последующая работа станет иной. Для Бердяева творчество связано с человеческим призванием; для этой статьи важно не присваивать его слову любую производственную активность.

В главе X «Смысла творчества» художественный акт рассматривается как выход за пределы простой данности. Это часть более широкого религиозного понимания творчества. Мы не обязаны объявлять всякое удачное произведение преображением мира в буквальном богословском смысле. Достаточно увидеть различие между изготовлением по схеме и ответом, который меняет сам способ отношения к материалу.

Условный преподаватель перерабатывает урок. Он может добавить модные картинки, сохранив прежнюю трудность: ученики повторяют слова без понимания. А может заметить, где они теряют связь между двумя понятиями, и построить иной переход. Во втором случае новизна адресована реальной проблеме. Она не равна внешнему впечатлению новизны. Проверять её следует по тому, что она делает возможным для другого.

Такой критерий защищает и от романтизации вдохновения. Новое действие может требовать чтения, навыка, повторной попытки и внимательной проверки. Свобода не делает ремесло ненужным. Если замысел не выдерживает материала, автору приходится учиться. Отказ от исправления под лозунгом неприкосновенности творческого акта способен превратить живую инициативу в привилегию не отвечать за результат.

Одновременно результат не исчерпывает человека. Неудачная книга или провалившийся проект не доказывают отсутствие личности. Можно строго оценить сделанное и сохранить возможность нового действия. Здесь творчество соединяется с ответственностью без полной зависимости от успеха: я отвечаю за форму, которую создал, но не обязан считать эту форму окончательным определением собственной ценности. Это трудное равновесие особенно нужно там, где оценка работы легко превращается в оценку права человека существовать.

V. Почему творец нуждается в мире

Одинокий герой, никому ничего не обязанный, плохо подходит для разговора о свободе Бердяева. В главе VI «Смысла творчества» он противопоставляет замкнутый индивидуализм универсальному содержанию творческой личности. Собственный голос не требует разрыва с общим человеческим миром. Важна внутренняя связь, которая не исчерпывается внешним приказом или социальным назначением.

Условный автор пользуется языком, редакторской работой и временем читателя. Даже самое самостоятельное произведение имеет условия возникновения и дальнейшую жизнь. Признать это — не значит отдать коллективу право писать вместо автора. Значит увидеть, что независимость замысла существует внутри реального обмена. Человек может защищать содержание и одновременно уважать тех, кто помогает придать ему форму.

Если требование свободы становится требованием полного отсутствия ограничений со стороны материала и других участников, совместное дело невозможно. Редактору нельзя высказать замечание, исполнителю — назвать предел, читателю — не принять произведение. Получается парадокс: творец защищает собственную субъектность, превращая всех остальных в обслуживающие объекты. Такая свобода противоречит условию, которое заявляет для себя.

Но и обратная сторона не получает монополии. Общий интерес не позволяет требовать, чтобы автор изменил убеждение только ради удобства продажи. Можно отказаться выпускать конкретную работу, назвать основания и сохранить историю решения. Можно предложить правку, не объявляя отказ доказательством неблагодарности. Связь становится честнее, если различие между обязательной точностью и спорным вкусом не прячут за единственным словом «качество».

Практическая свобода нуждается в мире, который способен отвечать, а не только подтверждать. Контакт с другим создаёт сопротивление, и иногда именно оно позволяет обнаружить слабость замысла. Однако сопротивление следует обсуждать по содержанию. Подчинение не становится творческим от того, что его назвали

коллективностью. Самостоятельность не становится плодотворной от того, что человек отказался слышать любое чужое слово.

VI. Личность и удобная роль

Роль необходима для действия, но она меньше человека. В «О рабстве и свободе человека», главе I, «Личность» Бердяев противопоставляет личность сведению к природной или социальной части. Мы используем этот мотив в ограниченном вопросе: как удержать незаменимое существование рядом с функциями, которые организация вправе распределять и оценивать?

На приёме человек становится пациентом, в школе — учеником, на работе — сотрудником. Эти обозначения задают права, обязанности и порядок внимания. Ошибка начинается, когда из них делают исчерпывающие имена. Пациент не сводится к показателю, ученик — к отметке, сотрудник — к производительности. Точное измерение одного аспекта не превращается в полное знание о том, кто перед нами.

В условной рабочей группе есть «надёжный человек». Ему постоянно передают срочные задания. Сначала роль выражает признание, затем делает отказ почти невозможным: если он откажется, потеряет удобное имя. Внешне его высоко ценят, но право иметь собственную нагрузку постепенно исчезает. Привлекательная характеристика тоже может объективировать, когда она обязывает постоянно соответствовать чужому ожиданию.

Из роли не обязательно надо уходить. Иногда достаточно уточнить её предел: какие задачи входят в договорённость, сколько времени доступно и что требует отдельного решения. Это не философское исчезновение зависимости. Это изменение конкретного устройства, в котором способность отвечать перестаёт быть формальностью. Надёжность может включать честное сообщение о невозможности выполнить ещё одно поручение.

Здесь важно сохранить различие между признанием и привилегией. Человек не должен требовать, чтобы все правила перестали к нему относиться потому, что он больше роли. Равным образом организация не должна утверждать, что исполнение роли исчерпывает его смысл. Правило может быть справедливым и обязательным в своём предмете. Оно становится чрезмерным, когда пытается определить всю жизнь участника за пределами этого предмета.

VII. Объективация себя самого

Можно освободиться от чужого ярлыка и попасть в зависимость от собственного образа. В разделе о рабстве у самого себя Бердяев рассматривает самозамкнутость и индивидуалистическое прельщение. Для современной ситуации это даёт вопрос: не превратил ли я охраняемое «я» в ещё один неподвижный объект, которому приходится подчинять каждое новое действие?

Условный человек решил, что он принципиально спокойный. Он не сообщает о раздражении, скрывает несогласие, затем неожиданно разрывает отношения. Его образ сначала помогал справляться с трудностями. Потом запрещал замечать то, что в этот образ не входило. Защитить идентичность оказалось важнее, чем увидеть действительное переживание и выбрать понятную форму ответа.

Другой человек считает себя свободным от материальных мотивов. Ему трудно признать финансовую потребность, потому что это кажется нравственным падением. Он соглашается на невыгодные условия, а затем злится на тех, кто воспользовался согласием. Самостоятельность восстановится не через новое героическое имя, а через разрешение рассмотреть реальную потребность без автоматического осуждения.

Такие примеры не являются диагнозами. Они показывают устройство возможной ошибки: описание, созданное для ориентации, получает право запретить новое свидетельство. Исправление начинается с конкретного языка. Вместо «я не такой» можно спросить, что именно я сейчас замечаю. Вместо «это не соответствует моей природе» — какие последствия имеет данный вариант и что в нём действительно неприемлемо.

Постоянство личности не требует одинаковой реакции на всё. Человек может сохранить ценность честности и изменить профессию, сохранить заботу и установить дистанцию, сохранить самостоятельность и попросить помощь. Если любое изменение воспринимается как исчезновение себя, свобода стала обязанностью воспроизводить собственный портрет. Новый ответ тогда требует не более громкого самоутверждения, а более внимательного отношения к тому, что не поместилось в прежнюю историю.

VIII. Встреча вместо полного знания

Другого нельзя встретить, если заранее оставлено место только для подтверждения нашей схемы. Академический разбор философии Мартина Бубера в SEP различает отношения Я–Ты и Я–Оно. Это не тождественно бердяевской объективации. Сопоставление ограничено общим вопросом о том, что теряется, когда другой представлен исключительно измеримым и используемым объектом.

Объектное знание само по себе не враг. Чтобы помочь человеку выполнить задачу, иногда нужны числа, расписание и точное описание. Встреча не обязывает отказаться от них. Она добавляет готовность обнаружить, что за сведениями существует участник, который способен иначе понять происходящее. Его ответ не обязательно окончателен, но без него наше знание останется знанием о нём, не став совместным пониманием.

В условном разговоре близкий спрашивает: «Почему ты опять всё усложняешь?» Вопрос грамматически допускает ответ, но уже содержит приговор. Иной вопрос уточняет конкретное: «Что в предложенном варианте для тебя трудно?» Ответ может выявить ограничение, о котором спрашивающий не знал. Изменение состоит не в более мягком голосе, а в оставленном пространстве для нового содержания.

Нужно учитывать и право не вступать во встречу. Другой человек не обязан немедленно раскрывать переживание, чтобы доказать свою субъектность. Он может попросить паузу или ограничить тему. Если наша философия требует полной открытости, она рискует присвоить личность тем же способом, против которого выступает. Уважение к ответу включает уважение к пределу ответа.

Взаимное общение поэтому отличается от прозрачности. Мы не получаем друг друга в полное распоряжение. Мы создаём условия, в которых можно сообщить важное, уточнить ошибку и изменить договорённость. Такое устройство остаётся несовершенным. Но оно позволяет соединить знание и свободу: факты рассматриваются всерьёз, а их носитель не исчезает в фактах, которые о нём удалось собрать.

IX. Правило может защищать свободу

Критика объективации не должна превращаться в презрение к общим правилам. Без сроков, договоров и процедур сильный участник часто получает больше возможностей действовать за счёт слабого. Условная группа может объявить себя творчески свободной и при этом оставить распределение решений за самым громким человеком. Отсутствие формальных ограничений ещё не означает присутствия личной свободы для всех.

Кантовская идея автономии в «Основах метафизики нравственности», разделе II связывает свободу с законом, который разумная воля рассматривает как свой. Бердяев иначе понимает свободу и её источник. Сравнение важно именно различием: критика внешней необходимости не обязывает считать всякую обязательность враждебной личности. Нужно исследовать, что правило защищает и как возникает его власть.

Правило может открывать пространство ответа. Например, заранее назначенный срок обратной связи позволяет младшему сотруднику спокойно предъявить возражение. Прозрачное распределение оплаты защищает его от необходимости каждый раз заслуживать расположение руководителя. Право покинуть проект снижает зависимость

от чужого произвольного решения. В этих случаях форма не уничтожает свободу, а создаёт условия её практического использования.

В другом случае правило скрывает власть. Оно меняется после результата, применяется только к части людей или не допускает обсуждения собственного смысла. Тогда вопрос нужно направить на конкретную процедуру, а не объявлять всю нормативность объективацией. Общая философская критика становится полезной, когда умеет различать защитную и подавляющую функцию формы в определённых обстоятельствах.

Рабочий критерий состоит из трёх вопросов: понятен ли предмет правила, одинаково ли оно относится к сравнимым случаям, существует ли способ его пересмотра? Эти вопросы — наше современное применение, а не цитата Бердяева. Они помогают избежать романтической крайности, в которой человек освобождается от формы, но тут же оказывается во власти другого человека, ничем не ограниченного и столь же уверенного в собственной свободе.

X. Незавершённость не снимает последствия

Человек больше своего поступка, но поступок остаётся в мире. Эта двойная мысль нужна, чтобы свобода не стала оправданием бесконечного начала с чистого листа. Слова о творческом ответе предполагают готовность увидеть, что уже произошло, кто затронут и что можно исправить. Новая форма жизни не должна требовать от окружающих забыть цену старой.

В условном конфликте человек признаёт, что унизил собеседника. Он может попытаться объяснить обстоятельства, но объяснение не отменяет сообщения о причинённом вреде. Новый ответ начинается там, где он способен назвать конкретный поступок без ухода в общий образ «я плохой». Такой образ тоже удобен: вместо исправления человеку остаётся страдать о себе. Ответственность возвращает внимание к действию и другому.

После признания требуется вопрос о доступной перемене. Возможно, нужно исправить публичное сообщение, вернуть деньги, перестать обещать невозможное или изменить порядок обсуждения. Извинение может иметь значение, но не заменяет всё остальное автоматически. Содержательная свобода обнаруживается в том, что человек делает со своей историей, а не в заявлении, что история больше его не определяет.

У этого движения нет гарантии принятия. Другой вправе не восстановить доверие сразу или вообще не продолжать отношения. Если свободный ответ требует обязательного прощения, свобода одного снова превращает другого в средство. Можно совершить исправление и признать самостоятельность того, кто решает, что оно для него значит. Это граница, на которой творческая инициатива перестаёт быть контролем.

Бердяев оставляет нам напряжённый язык личности, которую нельзя свести к готовому миру объектов. Практическое чтение не обязано разрешить все его метафизические вопросы. Оно может удержать более близкую задачу: пользоваться описаниями, оценивать последствия, строить формы совместной жизни и каждый раз проверять, остаётся ли внутри них место для живого ответа. Свобода тогда не уходит от мира, а меняет способ нашего участия в нём.

Что это значит на практике

Возьмите одно описание себя, которое часто звучит в важной ситуации: «я ненадёжный», «я сильный», «я всегда помогаю», «я творческий человек». Не пытайтесь немедленно заменить его позитивным. Сначала запишите два конкретных эпизода, на которых оно основано. Отдельно отметьте, что действительно происходило, что вы предположили и какой вывод сделали о себе. Это позволяет увидеть дистанцию между свидетельством и окончательным именем.

Посмотрите, чего описание не позволяет замечать. Надёжному трудно признать перегрузку, сильному — попросить поддержку, независимому — согласиться с разумным замечанием. Если такой предел найден, сформулируйте его предметно. Например: «Мне трудно отказаться от нового задания, потому что я боюсь потерять признание». Это рабочая гипотеза о конкретном выборе, а не объяснение всей личности.

Затем определите, где доступен новый ответ. Он может быть небольшим: назвать реальный срок, уточнить обязанность, задать открытый вопрос, признать ошибку, не переходя к самоунижению. Проверка состоит в изменении действия и его последствий. Не нужно доказывать собственную свободу резким разрывом или необычным поступком. Предсказуемый, но сознательно выбранный ответ тоже способен быть вашим.

Если решение затрагивает других, предусмотрите форму ответственности. Сообщите об изменении договорённости, объясните конкретный предел, обсудите доступную замену. Важно отличать просьбу от требования: другой не обязан поддержать выбранный вариант. Сохранение его права ответа — часть проверки того, что вы называете свободой.

Через некоторое время вернитесь к эпизоду. Что изменилось: само действие, доступность выбора, распределение нагрузки или только рассказ о себе? Если внешние условия остаются прежними, это тоже существенный результат наблюдения. Некоторые ограничения требуют ресурса, помощи или изменения устройства отношений. Философия свободы не должна превращать отсутствие этих условий в обвинение

человека. Её практическая польза здесь — заметить конкретное место, где описание перестало быть судьбой и снова стало предметом размышления.

Ключевая цитата

> *«“Объективация” не будет для меня также тождественна с обнаружением, выявлением и воплощением».*

Николай Бердяев, «Я и мир объектов», размышление II, §1. Русский оригинал; типографские кавычки нормализованы. Цитата ограничивает применение термина: создание произведения или точное описание не автоматически означает объективацию в бердяевском смысле.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство	Граница
Бердяев: личность ↔ Кант: человек как цель	Человек не исчерпывается полезностью для другого.	Бердяев и Кант различаются в понимании источника свободы и роли закона.
Бердяев: объективация ↔ Бубер: Я–Оно	Инструментальное отношение может закрыть встречу.	Термины принадлежат разным системам; Бубер здесь рассматривается по академической статье SEP.
Бердяев: творчество ↔ его собственная критика индивидуализма	Личное действие может быть связано с общим миром.	Связь не означает согласия со всеми требованиями общества.
Бердяев: свобода с содержанием ↔ Кант: автономия	Свобода не сводится к произвольному импульсу.	Кантовское само-законодательство не равно религиозному творчеству Бердяева.
Бердяев: личность больше функции ↔ Соловьёв: достоинство другого	Описанная роль не исчерпывает нравственное значение человека.	Всеединство Соловьёва и персоналистическая критика Бердяева не образуют одного учения.

Первоисточники и исследования

1. Н. А. Бердяев. «Я и мир объектов», размышление II, §§1–2 — определение объективации и экзистенциального субъекта; прочитаны выбранные фрагменты.

2. Н. А. Бердяев. «Смысл творчества», VI — свобода, творчество, произвол и универсальное содержание личности; выбранные абзацы, не вся книга.

3. Н. А. Бердяев. «Смысл творчества», X — художественное творчество, начало главы.

4. Н. А. Бердяев. «О рабстве и свободе человека», I.1 — личность и функция, выбранные фрагменты.

5. Там же, II.6 — рабство у самого себя; прочитаны выбранные фрагменты отдельного раздела.

6. И. Кант. «Основы метафизики нравственности», II — человечество как цель и автономия, перевод Т. К. Эбботта.

7. Martin Buber, SEP — отношение Я–Ты/Я–Оно, соответствующий раздел и критические границы.

8. В. С. Соловьёв. «Смысл любви», статья вторая, III — признание достоинства другого; короткое сопоставление в карте.

Теги

Бердяев, свобода, творчество, объективация, личность, субъект, существование, персонализм, ответственность, произвол, достоинство, роль, описание, идентичность, самостоятельность, отношения, встреча, Бубер, Кант, Соловьёв, религиозная философия, художественный акт, правила, границы, обязательства, новизна, внутренний ответ.

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.